В.М. Хруль, старший научный сотрудник кафедры социологии журналистики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭТОС КАК ФАКТОР РЕГУЛИРОВАНИЯ ЖУРНАЛИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРЕПЯТСТВИЯ

В статье описаны предпосылки усиления влияния религиозного фактора на журналистскую деятельность в России. Предложена интерпретация категории "религиозный этос", названы проблемы в его артикуляции и восприятии. На основании анализа ситуации сделан вывод о необходимости реального участия религиозных общностей в общественном диалоге в сфере нравственности. Автором представлены результаты изучения публикаций массмедиа на религиозную тематику, сформулированы основные проблемы в данной сфере, а также рассмотрены дисфункции журналистики в освещении религиозной жизни.

Ключевые слова: *религиозный этос, Общественный совет по нравственности на телевидении, диалог ценностных систем, дисфункции журналистики.*

Article describes the preconditions for increasing influence of religious factor on journalism practices in Russia. Author suggests the interpretation of "religious ethos" category, names the problem in articulation and perception of religious ethos in modern Russian society, comes to a conclusion that real participation of religious communities in social dialogue in moral sphere is necessary. Article presents the results of analysis of media texts on religious topics. The main problems in this field are formulated, the dysfunctions of journalism in coverage of religious life are examined.

Key words: *religious ethos, Public council for morality on TV, dialogue of value systems, dysfunctions of journalism.*

Попытки регулирования российских СМИ в области соблюдения моральных норм в последнее время с очевидностью изменили своего субъекта: от собственно внутреннего саморегулирования, где субъектом выступало журналистское сообщество, произошел сдвиг к инициативам регулирования извне, где субъектами выступают иные социальные институты, выражающие явную неудовлетворенность моральным уровнем отечественных СМИ, и в первую очередь — телевидения.

Эволюция внимания аудитории к российским СМИ свидетельствует о том, что акценты сместились от возможности участия или хотя бы влияния на формирование "повестки дня" и содержания к необходимости контроля. Систематическое игнорирование граждан как субъектов информационных процессов, имитация их участия в деятельности СМИ как максимум в виде "массовки" на ток-шоу, высокомерное нежелание работать с аудиторией привели к тому,

что у наиболее активных граждан и общественных институтов возникло желание контролировать то, в чем они не имеют возможности участвовать.

В этом контексте нам представляется необходимым обратить внимание исследователей журналистики на *религиозный сегмент массового сознания*, который отличается повышенной этической восприимчивостью и несет в себе ряд норм, которые существенным образом повлияли на формирование светской этики.

Вопросы о воздействии религиозного фактора на журналистскую деятельность, к сожалению, до сих пор редко попадали в поле зрения исследователей собственно журналистики. Нормативные модели, проясняющие ожидания религиозных организаций от СМИ и журналистов, локализованы преимущественно в богословских текстах и официальных документах религиозных организаций разного уровня обобщения и применимости (в настоящее время на факультете журналистики МГУ готовится к выходу сборник таких документов). А исследователи журналистики фокусируют свое внимание либо на этических проблемах профессии, где речь идет о необходимости уважать чувства верующих, но не более того [Авраамов, 2000; Лазутина 2006; Муратов 1994; Профессиональная этика журналиста, 2002; Саморегулирование средств массовой информации, 2005; Казаков, 2001; Тетради гуманитарной экспертизы, 1999—2001], либо на различных методах саморегуляции журналистской деятельности — религиозный фактор там присутствует как нормативная модель отдельных верующих журналистов и малоизученной подсистемы конфессиональной прессы [Религия в информационном поле российских СМИ, 2002; Религия в современной информационной политике, 2005; Челышев, 2000].

В последнее время религиозный сегмент массового сознания выражается непосредственно как продукт деятельности религиозных объединений или их производных структур, причем попытки влиять на сферу массовой коммуникации, в том числе журналистику, становятся все более настойчивыми.

“Лакмусовой бумажкой” попыток морального регулирования отечественных СМИ с религиозных позиций стал сюжет с созданием *Общественного совета по нравственности на телевидении*, который активно обсуждается в России уже более двух лет[1].

Инициатором создания Совета по нравственности на ТВ стал *Клуб православных журналистов*[2], что нам представляется неслучайным и побуждает обратиться к рассмотрению и анализу причин активизации религиозного фактора в медиасфере.

---

[1] См., например, сюжет “Общественный совет РФ по телевидению” на портале “Религия и СМИ”. Режим доступа: http://www.religare.ru/25_605.html

[2] Выдвижение кандидатов в члены Общественного совета по нравственности при российских телеканалах. Режим доступа: http://www.religare.ru/morality.html

Предпосылки для усиления влияния "религиозного фактора"

Основными предпосылками возрастания "удельного веса" религиозного фактора в публичной сфере и СМИ, на наш взгляд, являются две тенденции, очень важные для описания аксиологического пространства современной России.

С одной стороны, наблюдается общее размывание ценностного поля и снижение уровня моральной ответственности граждан.

Современный мир предлагает все большее многообразие, вариативность этических норм, представлений о том, что нравственно и что безнравственно, связанных с важнейшими мировоззренческими категориями человека — с отношением к смерти, с представлением о семье, с пониманием социальной справедливости и др. Релятивно-ситуационная этика в условиях плюрализма довольно быстро раздробила и без того хрупкое ценностное единство общества в СССР (если допустить, что подобное этическое единство все-таки существовало).

По нашим наблюдениям, подтвержденным результатами ряда опросов общественного мнения, в последние десятилетия центробежные силы, "разрывающие" ценностно-нормативную ткань жизни общества, гораздо более заметны, нежели силы центростремительные, "собирающие" и объединяющие социум, приводящие его к согласию по поводу ценностей. "Зона согласия" все более отдаляется от настоящего момента. В данном случае мы не имеем в виду вертикально-принудительную индоктринацию, попытки ценностно-нормативного объединения "сверху". Такие попытки по их последствиям, с нашей точки зрения, как раз следует отнести к катализаторам "центробежных сил".

Согласно опубликованным в январе 2010 г. данным *Левада-Центра*, зона моральной ответственности россиян за последние 20 лет значительно сузилась. Социологи в своих выводах опираются на результаты двух исследований, проведенных в ноябре 1989 г. и в июле 2008 г. (оба — по репрезентативной выборке 1500 человек в возрасте от 16 лет, статистическая погрешность которой не превышает 3,4%)[3].

За 20 лет в два раза сократилось количество респондентов, готовых брать личную моральную ответственность за действия своего правительства и признающих эту ответственность за другими людьми (с 15% в 1989 г. до 7% в 2008 г.). Происходящие в стране события также стали признавать зоной моральной ответственности граждан в 2 раза меньше респондентов (20% в 1989 г. и 10% в 2008 г.).

[3] Зона моральной ответственности в 1989 и 2008 гг. Левада-Центр, 02.02.2010. Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2010020202.html

Кризис моральной ответственности обнаружился и по отношению к работе своего предприятия (с 46% в 1989 г. до 26% в 2008 г.).

"Значительное количество россиян считают, что они способны оказывать влияние лишь на события, происходящие в их семье, и совершенно не в силах повлиять на происходящее в мире, стране, городе, районе и даже доме, в котором живут", — пишут исследователи *Левада-Центра*[4].

С другой стороны, ученые отмечают формальные и содержательные признаки роста религиозности россиян, которые все чаще называют себя верующими людьми и посещают богослужения.

В 1996 г. россияне почти поровну (44% против 43%) делились на верующих и неверующих. К 2006 г. соотношение изменилось (62% против 28%)[5]. В наши дни, по разным опросам, количество респондентов, которые называют себя верующими, колеблется от 70 до 80%.

По данным *Левада-центра*, в религиозности россиян наблюдается ряд интересных парадоксов. В частности, 71% назвали себя православными, при этом 34% заявили, что никогда не молятся[6]. Несколько раз в неделю (вариант с максимальной частотой) молятся 7%. Большинство опрошенных отводят религии роль регулятора повседневной жизни путем установления нравственных норм. "Спасение души и путь к вечной жизни" как цель религии признают лишь 11%.

Разумеется, столь своеобразные черты религиозности влияют в конечном счете и на этическую сферу религиозного сознания, объясняя ее непоследовательность, фрагментарность и даже внутреннюю противоречивость на уровне индивидуального сознания (верить — и не молиться, ходить в православный храм и увлекаться астрологией, исповедовать любовь к ближнему и гнать инородцев и т.д.).

Тем не менее нормативные модели религиозного сознания, которые иногда своеобразно интерпретируются его носителями, остаются среди наиболее устойчивых и влиятельных.

Таким образом, на фоне кризиса идеологических ценностей некоторые обществоведы и официальные идеологи в поисках необходимой объединяющей "национальной идеи" обращаются к религиозному сегменту массового сознания, которое представляется им в определенном смысле той "точкой опоры", которая даже в светском государстве поможет вернуть аксиологическое согласие.

---

[4] Там же.

[5] Постатеистическая эра. Режим доступа: http://i-r-p.ru/page/stream-trends/index-7834.html

[6] *Голов А.А.* Религиозность, а также что люди обретают в религии. 11.03.2008. Режим доступа: http://www.levada.ru/press/2008031104.html

Разумеется, проявляясь в публичной сфере, эти поиски порождают встречную реакцию социально активной части верующих людей и религиозных организаций и существенным образом оказывают воздействие на журналистику.

Религиозный этос как система нравственных императивов

Религиозное сознание в своей активности подразумевает наличие устойчивого, стабильного, основанного на основополагающих ценностях "*этоса*", причем не только на уровне индивида, но и на уровне общности. Исследователи подчеркивали, что понятие "*этос*" применимо прежде всего не к людям, а к группам [Оссовская, 1987, с. 26].

Чаще всего этос понимается специалистами в области философии и этики как моральный порядок, единство нравов [Гусейнов, 1999, с. 16], иерархия ценностей, которая объективно существует и может быть реконструирована из поведения людей [Гирц, 2004, с. 106]. Культурологи и этнографы склонны считать, что этос — «культурно-смысловая модель, опосредующая восприятия и представления в ценностно-практическое русло исходя из принятых в культуре соотношений "возможного — невозможного", "допустимого — недопустимого", "желательного — исключенного"»[7].

Религиозный этос, понимаемый в данной работе как основанная на вере система определяющих поведение нравственных императивов, свидетельствует о фундамендальной, имманентной человеческой потребности в признании нравственного порядка в мире [Анчел, 1988; Marx, 1992].

Этос религиозной общины — от малой группы в приходе до многомиллионной группы последователей мировой религии — обычно отличается высоким уровнем рефлексии и регламентированности во внутренних документах догматического характера. Ядро этоса легко воспроизводимо и транслируемо в сравнительно небольшом тексте (например — десять заповедей в христианстве).

Однако наряду с прозрачностью и общепринятым единством толкования внутри религиозной общины, вовне, в публичной сфере в силу ряда обстоятельств (недавних репрессий, недоверия к властям, негативного опыта профанации сакрального и проч.) у религиозного этоса могут обнаруживаться серьезные проблемы как в артикуляции со стороны самих духовных лидеров, так и в восприятии со стороны непосвященной общественности. Подоб-

[7] *Чернявская Ю.В.* Этос и габитус как формы организации и трансляции смысловых содержаний этнической культуры: к проблеме преемственности и развития. Режим доступа: http://attachments-blog.tut.by/26747/files/2008/11/chernjavskaja-ehtos-i-gabitus-dlja-brgu.doc

ную ситуацию в силу прерванной традиции систематического богословского образования испытывали в начале перестройки практически все традиционные российские религии, что позволяло представителям новых религиозных организаций — от импортной японской "Аум Синрике" до появившегося в Украине вполне отечественного "Белого братства" — в условиях духовного вакуума и смятения довольно легко рекрутировать адептов. Что, разумеется, оставило заметный след и в российской журналистике [Khroul, 2007].

Затрудненность в артикуляции религиозного этоса при оценке текущих политических, экономических, культурных и иных общественно значимых событий проявляется и поныне, хотя постепенно преодолевается религиозными объединениями, которые становятся все более активными в публичной сфере.

Настало время сделать одну принципиально важную оговорку. До сих пор мы употребляли термин "*религиозный этос*" в единственном числе, как родовое понятие. Однако, разумеется, при конкретном обращении к разным религиям точнее было бы вести речь не об "*этосе*" как таковом, а об "*этосах*", ибо они в разных религиях отличаются фундаментально и практически не сводимы к одному внутренне непротиворечивому моральному полю. Это важное обстоятельство следует постоянно иметь в виду, когда мы ведем разговор в общем виде.

Религиозное сознание как носитель совокупности устойчивых этосов (именно совокупности, поскольку они не образуют единую систему) может стать мощным фактором этического регулирования российских СМИ.

Что же этому препятствует?

Анализ попытки создания Общественного совета по нравственности на телевидении, которая неожиданно для самих инициаторов — Клуба православных журналистов — "пробуксовывает" уже на протяжении более двух лет, на наш взгляд, проливает свет на более общие принципиальные препятствия для создания единого и бесспорного морального авторитета в многоконфессиональной и в силу исторических причин ценностно разорванной стране, где есть как минимум несколько нравственных "полюсов".

По нашему убеждению, одним из главных препятствий является отсутствие понимания того, что наивысший уровень для совокупного суждения в области нравственности — это *не общество в рамках целой страны, а ценностно цельная, монолитная, гомогенная общность,* члены которой пребывают в состоянии консенсуса, согласия по поводу того, "что такое хорошо и что такое плохо". И границы этой общности заведомо уже границы всего социума. В пределе в иных социально-исторических условиях они могут

совпадать — например, на почти 100%-ной католической Мальте (где законодательный запрет на аборты никогда не вызывал общественного протеста или даже сколько-нибудь заметного вопрошания) или в почти 100%-ной мусульманской Саудовской Аравии (где ценностная "инаковость" позволена только иностранцам и в очень узких рамках). Однако Россия — не Мальта и не Саудовская Аравия.

Из тезиса о том, что наивысшим уровнем для совокупного суждения в области нравственности является не человечество в целом и даже не общество в целом, а *ценностно гомогенная общность*, логически вытекает **принципиальное препятствие к созданию так называемой всеобщей, или глобальной, журналистской этики**, о которой так много пишут и говорят. Как максимум она может быть создана на базе ряда взаимных компромиссов, моральных уступок, которые всегда будут создавать поле напряженности в случае кодификации всеобщего корпуса этических норм в журналистской деятельности, ибо вторичное будет противоречить фундаментальному, а принятое под давлением компромисса — принятому свободно.

Мы являемся свидетелями того, как политкорректность в качестве всеобщего, универсального подхода сталкивается с протестами христиан в Европе (ср. решение Страсбургского суда о снятии крестов в школах Италии) или мусульман в Азии (эволюция Ирана от секулярного государства — к исламскому). Общечеловеческий нравственный кодекс для журналистов проектируется, соответственно, на основе так называемых общечеловеческих ценностей, проблематичность которых в последние годы становится все более очевидной не только в социальной практике, но и в теоретическом осмыслении (впрочем, данная тема уже выходит за рамки этой работы).

Принципиально важно понимать, что объединяющим фактором в ценностно цельных общностях является именно общий этос. К таким общностям религиозные организации относятся по определению. И именно они могут и должны, на наш взгляд, стать главными субъектами общественного диалога в сфере нравственности (включая и атеистов с их очень сильным этосом, основанным на активном отрицании существования Бога). Причем они призваны стать участниками именно *диалога*, а не попытки "причесать" все под одну моральную "гребенку", создание которой, как будет показано ниже, принципиально невозможно.

В условиях расширяющейся вариативности договориться о едином ценностно-нормативном подходе представляется все более проблематичным. Например, телепрограмма, в которой позитивно показано многоженство, будет морально приемлема для мусульман и вызовет протесты христиан. А публикация в поддержку придания

статуса семьи гомосексуальным союзам станет предметом возмущения последователей традиционных религий, но вполне "впишется" в представления о жизни атеистов или новых религиозных объединений. Общественная дискуссия по поводу эвтаназии (добровольного ухода из жизни) или правомерности абортов уже расколола несколько европейских стран и США.

Ряд подобных примеров можно продолжать. Трудно представить их в качестве предметов рассмотрения на заседании Общественного совета по нравственности на ТВ и еще труднее помыслить о возможности выработки единого согласованного суждения его членов. Гораздо более вероятно это в моноконфессиональных, моноэтнических и теократических странах, примеры которых мы приводили.

Теоретически в российских республиках с компактным проживанием граждан одного вероисповедания могут существовать свои ограничения на основе их собственных ценностей, но они далеко не всегда могут носить нормативный характер.

Вообще говоря, бывают случаи, когда религиозный этос вступает в противоречие с действующим законодательством. Это "поле конфликта" было очень широким в СССР, сейчас оно заметно сузилось, но "точки напряженности" заметны и в наши дни. Только теперь, в отличие от советских времен, когда правоприменение в подавляющем большинстве случаев одерживало верх над религиозным этосом (тысячи священников в тюрьмах и лагерях), последний все чаще блокирует или "нейтрализует" применение правовых норм. К примеру, невозможно узаконить многоженство в мусульманских регионах Кавказа до тех пор, пока не отменено судебное преследование многоженства на федеральном уровне. Но де-факто многоженство в регионах с компактным проживанием мусульман не только существует, но и поощряется.

Подобные ситуации, этически доброкачественные с точки зрения населения определенного региона, не могут быть облечены в правовую норму и попросту конвенционально игнорируются — правоприменители на них "закрывают глаза". Однако моноконфессиональный консенсус компактно проживающих в ценностном согласии граждан на поликонфессиональном федеральном уровне просто "рассыпается".

Что, разумеется, не могло не сказаться и на православной инициативе по моральному регулированию российского телевидения, подхваченной рядом политиков, включая главу Совета Федерации Сергея Миронова.

Первые два пробных заседания Общественного совета по нравственности на ТВ, сформированного Клубом православных журналистов, прошли в дискуссионной атмосфере, а мнения их участников разделились, что неудивительно. Более того, это вполне естественно в описанном выше контексте.

Ведь с самого начала в журналистском сообществе звучали голоса не только "за", но и "против" Общественного совета по нравственности на ТВ.

"Любые советы по нравственности непременно заканчиваются ужесточением цензуры, причем политической. Я категорически против этой идеи, под какой бы красивой оберткой она ни была подана", — заявил член Общественной палаты телеведущий Николай Сванидзе. Главный редактор "Московского комсомольца" Павел Гусев считает, что "сегодня надо думать о том, как отстоять свободу СМИ". По мнению заместителя председателя Комиссии Общественной палаты по сохранению культурного и духовного наследия Елены Зелинской, предлагаемый инструмент гражданского контроля может "превратиться в дубинку".

"Закон о СМИ у нас не выполняется в главном: я утверждаю, что у нас на телевидении, да и не только на телевидении, не существует свободы слова. Мы все знаем это, хотя и делаем вид, что это не так", — заявил известный телеведущий Владимир Познер.

«То, что творится у нас на "ящике", вызывает тихий ужас, — подчеркнул публицист Борис Фаликов. — Но когда вопросами нравственности начинают заниматься политики, это уже совсем другое дело. Тут сразу вспоминаешь железную закономерность: чем авторитарнее режим, тем больше он озабочен нравственностью своих граждан. И в этом случае без цензуры дело не обходится. Достаточно оглянуться окрест, чтобы понять, что власть вполне созрела для борьбы за нравственность»[8].

Противники создания Общественного совета по нравственности обозначают в своих публикациях еще ряд практических проблем, связанных с процедурой инициации проекта ("раз совет общественный, то почему не начали разговор с обществом, а сразу подключили Миронова?"), с персональным составом ("а судьи кто?"), с юридическим статусом и полномочиями (особенно в том, что касается отзыва лицензий), с проблемами взаимодействия с другими институтами подобной ориентации ("что мешает выполнять те же функции Общественной палате, где тоже собраны уважаемые люди?"), с финансированием ("кто платит, тот и заказывает музыку") и др.

На первом пробном заседании Общественного совета по нравственности на ТВ, которое состоялось 18 августа 2008 г., обсуждался фильм "Новая земля" режиссера-дебютанта А. Мельника. Во время дискуссии был представлен широкий спектр мнений, и участники

[8] См. подробнее на сайте "Религия и СМИ". Режим доступа: http://religare.ru/morality.html

так и не пришли к общему заключению. “По мысли фильм позитивный, а решать, сколько крови и какой величины шрамы на экране, бесперспективно”, — заметил режиссер Павел Лунгин. Актер Николай Бурляев назвал фильм “неожиданным” и отложил свою оценку “на потом”, когда впечатление сложится, а певец и депутат Иосиф Кобзон, согласившись с ограничениями в показе, высоко оценил игру актеров. Категорически не понравился фильм актерам Александру Михайлову и Владимиру Конкину.

Даже во время второго пробного заседания 2 декабря 2008 г., где обсуждался телепроект канала ТНТ “Дом-2”, несмотря на большее единство в неприятии (нежели при обсуждении фильма “Новая земля”), раздавались и иные голоса. Некоторые участники дискуссии настаивали на том, что “Дом-2” надо закрыть, а телеканал ТНТ должен понести наказание за трансляцию эротических сцен и фраз нецензурного характера. Вместе с тем политолог Максим Шевченко выразил мнение, что предложение закрыть проект является непрофессиональным и не ведет к решению проблемы.

«По каким критериям члены Общественного совета оценивают, что нравственно, а что нет? — таким вопросом задалась журналист газеты “Газета” Наталия Геворкян. — Что, у Савелия Ямщикова те же критерии, что и у Виталия Третьякова, а у Миши Леонтьева те же, что у Павла Лунгина? Я хотела бы понять — слова и действия пацанов и девиц в “Доме-2” безнравственнее убогих шуток, которыми кормят дикое количество часов в месяц телезрителей, стараясь превратить их в безмозглых кретинов? Считают ли они такой “юмор” безнравственным? Или кровавый и больной кошмар и ужас, культивируемый на НТВ, нравственнее “Дома-2”»[9]?

То обстоятельство, что “в товарищах согласья нет”, можно было предсказать заранее, еще до формирования Общественного совета, принимая во внимание несовместимость и несводимость к “общему знаменателю” различных этосов, носители которых были посажены за общий стол для обсуждения и выработки единой нравственной оценки.

Однако, возвращаясь к религиозному этосу, отметим, что анализ его влияния на журналистику не может исчерпываться только констатацией несовместимости моральной “аксиоматики” разных этосов. Все более очевидной становится и другая проблема — проблема взаимодействия разных этосов в одном публичном пространстве, проблема диалога, основным медиатором и катализатором которого может и должна стать журналистика.

[9] “Газета”, 4 декабря 2008 г. Режим доступа: http://www.gazeta.ru/column/gevorkyan/2903240.shtml

Услышать и понять друг друга: “герметичность” религий, ценностная дезориентация общества и дисфункции журналистики

Исходя из принципиальной невозможности создания единого морального авторитета на уровне страны, религиозные общности, опираясь на свои этосы, призваны стать участниками общественного диалога в сфере нравственности, аккумулирующими и артикулирующими оценочные суждения, производные от их базовых нормативных моделей (зафиксированных в Торе, Библии, Коране и проч.) и применяемые к различным аспектам современного бытия. “Громкость” подобных голосов в полифоническом хоре будет заведомо больше отличного от них частного мнения последователя какой-либо экзотической моральной системы.

Религиозные объединения по факту их внеположенности государству и бизнесу и по факту представления в публичной сфере интересов значительных сегментов общества являются полноправными субъектами гражданского общества и публичного диалога, даже если их ценностные ориентации расходятся или вовсе прямо противоречат принципам самого гражданского общества (к примеру, часть мусульман выступает за введение шариата, часть православных — за абсолютную монархическую власть, часть иудеев — за теократическое государство и т.д.).

Участие разных религий в общественном диалоге немыслимо без СМИ, которые становятся все более эффективным, а иногда и единственным механизмом “проникновения” в публичную сферу.

Именно слабая выраженность в СМИ и соответственно в публичной сфере оценок событий и явлений общественной жизни со стороны религиозных этосов создает трудности для нравственной навигации гражданина. Будучи растерянным перед ценностным многообразием, россиянин часто бывает не в состоянии сделать осмысленный самостоятельный выбор и легко подвержен нормативному давлению разнонаправленных сил.

Даже голос наиболее мощной по ресурсам и возможностям нравственно цельной общности в современной России — Русской Православной Церкви — не слышен регулярно и системно. Церковь возвышает свой оценочный голос “ad hoc” — по наиболее вопиющим случаям безнравственного, с ее точки зрения, поведения. Так было, например, в ситуациях с выходом фильма “Последнее искушение Христа”, концертом в Москве “распинающей себя на кресте” певицы Мадонны и др.

Регулярного производства и распространения морально-оценочных суждений по поводу телепродукции и — шире — по разным общественно-значимым проблемам и ситуациям со стороны

Церкви не наблюдается. Более того, как заявил руководитель пресс-службы РПЦ священник Владимир Вигилянский, Московский патриархат пока не планирует создавать собственные структуры для регулярной нравственной оценки кино- и телепродукции наподобие существующих в Римско-Католической Церкви[10]. Здесь действительно показателен иностранный опыт. Так, при Конференции католических епископов США, а также в ряде других католических стран есть специальные структуры, которые ведут постоянный мониторинг текущих событий социальной и культурной жизни. Они еженедельно публикуют список важнейших событий этой сферы с рецензиями. Мусульманские лидеры за рубежом время от времени публикуют "фетвы" — тексты нормативно-морального содержания, актуализирующие исламское вероучение в социальной области.

Цель подобной деятельности — помочь верующим морально сориентироваться в окружающем мире (в частности, что касается ТВ, в том, что верующим стоит смотреть, а что нет).

Речь идет о возможности для среднестатистического жителя, гражданина осведомиться в любой момент времени о нравственной позиции той или иной структуры со строгим и цельным этосом в связи с конкретными событиями и проблемами общественной, политической или экономической жизни (проблемы подсчета голосов на выборах, условий содержания в СИЗО, снятия моратория на смертную казнь, экономического кризиса, очередного пересмотра отношения к историческим событиям и персоналиям — Великой отечественной войне, Сталину, Хрущеву, Брежневу и проч.).

И здесь становится вновь очевидным, что на самом деле на сегодняшний момент проблема заключается не в распространении нравственных оценок через СМИ, а в "дефиците" их производства и публичной артикуляции. Несмотря на то что представители крупнейших религиозных объединений имеют доступ к телеэфиру, поддерживают разветвленную сеть собственных конфессиональных СМИ (православные каналы уже начинают активно выходить на светский медиарынок), они по разным причинам не торопятся с высказыванием моральных оценок. Когда речь идет, к примеру, о захоронении В.И. Ленина, религиозные лидеры молчат, дабы "не расколоть общество". Высказывания по поводу социальной и экономической несправедливости не публикуются, по всей вероятности, чтобы не поссориться с властью.

В условиях слабой артикулированности религиозных этосов ожидать стремительного развития диалога ценностных систем

[10] РПЦ МП пока не планирует создавать собственный совет по этике в СМИ, заявил священник Владимир Виглянский. Режим доступа: http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=59756&type=view

было бы слишком оптимистичным — при всем том, что этот диалог представляется нормативно необходимым.

Если бы в СМИ и публичной сфере постоянно производился нравственный мониторинг событий и явлений окружающей жизни, если бы светили "нравственные маяки", то в рамках выстраиваемой нормативной модели можно было бы вести речь об артикулированном диалоге ценностных систем. Именно процесс общения по поводу нравственных норм и их применения для квалификации событий и явлений жизни общества выступает, с нашей точки зрения, условием формирования сбалансированной политики телевещания. Разумеется, такое общение ценностных систем в публичной сфере может быть непростым и даже конфликтным, но именно в нем будет вырабатываться "повестка дня", именно в нем будут оттачиваться механизмы медиатизации моральных ценностей.

Нравственный диалог в обществе мыслится более органичным как "полифония" голосов взаимно уважающих друг друга аксиологически гомогенных общественных институтов, а не как нестройный хор голосов членов Общественного совета, состоящего из просто уважаемых в обществе людей, которые "поют в разных тональностях".

История Общественного совета показывает, что позиция единственного "нравственного камертона" в полинормативном обществе уязвима и трудновоплощаема. Пытаясь объяснить трудности практической реализации идеи Общественного совета, публицист Владимир Можегов подчеркивает, что идея "нравственных советов" была бы оправданна "как попытка нахождения общего знаменателя между враждующими в обществе лагерями". Но, продолжает журналист, "консервативное сознание априори предполагает, что только оно и обладает абсолютной истиной — отсюда откровенная партийность, корпоративность и герметичность всех начинаний"[11].

Вместе с тем, на наш взгляд, было бы необъективно искать причины неэксплицированности религиозного этоса в публичной сфере только в "герметичности" или "конспиративном сознании" самих религиозных организаций и их лидеров. Значительную часть ответственности за такую ситуацию должно взять на себя и журналистское сообщество.

Помимо невнимания к этосу конкретной религии как таковому, журналисты порой невольно, по незнанию (у нас нет данных, чтобы говорить об умышленных действиях) искажают ее образ и социальные практики.

---

[11] Новые приключения национальной нравственности // CIVITAS. 6 мая 2008 г. Режим доступа: http://www.civitas.ru/openarticle.php?code=825

Даже поверхностный мониторинг заметных событий, разворачивающихся в медиапространстве в последние годы, с очевидностью показывает, что среди казусов, которым пресса почему-то уделяет особо пристальное внимание, все больший удельный вес приобретают те, где тем или иным образом затрагивается религиозная идентичность населения.

Значительная часть так называемых "медиаскандалов" возникает в последнее время по религиозным поводам — "карикатурный скандал" в Дании и позже в остальном мире, книга и фильм "Код да Винчи" Дэна Брауна, фильм "Последнее искушение Христа" Мартина Скорсезе, концерты Мадонны с "распятием" на кресте, реакция мусульман на "Регенсбургскую лекцию" Папы Бенедикта XVI и др.

Нам представляется, что состояние общественного сознания дает достаточные основания для того, чтобы подробнее рассмотреть вопрос о роли СМИ в создании или разрушении религиозной толерантности в обществе и — шире — об оптимизации взаимодействия религиозных организаций, государственных структур и "массмедиа".

Любопытны итоги исследования, проведенного в России социологами университета Западного Мичигана Вячеславом Карповым и Еленой Лисовской[12].

Ученые пришли к выводу, что религиозная нетерпимость в России не является феноменом религиозным, она не зависит от степени вовлеченности в практики соответствующих исповеданий (это регулярно подтверждают и мировые духовные лидеры — православные патриархи, католический папа, раввины, муфтии и Далай-лама, когда, основываясь на вероучении и культе своих религий, решительно отмежевываются от крайних проявлений нетерпимости вплоть до международного терроризма).

Среди основных факторов порождения нетерпимости в России авторы исследования называют авторитарность политического устройства, этнические предрассудки и религиозный этноцентризм. Именно эти факторы, по мнению социологов, являются основным препятствием к межрелигиозному диалогу в России.

Оставляя за скобками тезис об авторитарности политического устройства, давайте зададимся вопросом о том, откуда в массовом сознании берутся "этнические предрассудки" и "религиозный этноцентризм". Логически неизбежным кажется следующий шаг в этой цепочке — рассмотрение различных возможных ролей СМИ в процессах приятия/неприятия иноверцев.

---

[12] Православные в России более нетерпимы к мусульманам, чем мусульмане к православным, считают социологи. Портал "Кредо", 13 декабря 2005 г. Режим доступа: http://portal-credo.ru/site/?act=news&id=38842&type=view

Основные роли, в которых СМИ выступают в освещении межрелигиозных и религиозно-общественных отношений, можно свести к трем основным: “медиатор”, “миротворец”, “провокатор”. Каждая из этих ролей зависит не только от ценностных ориентаций субъекта коммуникации (здесь на разных уровнях “субъектности” — хозяин — редактор — журналист — возможны различные подходы, не исключающие внутренних конфликтов), но и от степени профессионализма конкретных исполнителей.

Возьмем, к примеру, роль медиатора, когда журналист остается ценностно нейтральным и просто транслирует обществу позиции религиозных организаций. При внешней нейтральности эта функция при честном, профессиональном исполнении становится позитивной, ибо аудитория получает проверенную, взвешенную и всестороннюю информацию, которая рассеивает предрассудки, развеивает мифы, разрушает стереотипы и формирует целостную картину мира. При ангажированном или непрофессиональном исполнении роль медиатора становится негативной, ибо она укрепляет предрассудки, распространяет мифы, внедряет стереотипы, раскалывает целостную картину мира, превращая ее в мозаичную.

Анализ развития нескольких “медиаскандалов” последних лет показывает, что в ряде случаев именно СМИ стали активными “катализаторами” негативных общественных процессов. Так случилось с “карикатурным скандалом”, возникшим в исламском мире через несколько месяцев после публикации карикатур в датской газете, и с реакцией мусульман на “Регенсбургскую лекцию” Папы Бенедикта XVI, когда после двух дней молчания вырванная из контекста цитата, опубликованная одним из агентств, стала первотолчком для “лавины” протестов опять же исламского мира. Подобные примеры можно было бы множить, но проблема в том, что далеко не всегда журналисты в состоянии осознать все возможные последствия своих публикаций, касающихся такой тонкой и деликатной сферы, как религиозная.

Особенности новых информационных технологии и соблазн “амбивалентных”, релятивистских подходов к моделированию мира создают существенные “помехи” адекватности и полноте информации, публикуемой в современных российских СМИ о религиозных делах.

Для того чтобы понять, насколько соблюдаются в освещении религиозной тематики принципы правдивости и объективности, мы провели исследование, результаты которого, на наш взгляд, проясняют функционирование некоторых механизмов распространения массовой информации о религиозной сфере общественной жизни.

В рамках исследования была применена комплексная методика, которую мы назвали "*trace-study*", подразумевающая изучение различных характеристик распространения информации о конкретном факте (время, регион, тип СМИ, уровень приглашенных к оценке экспертов, жанр публикации, корректность ссылок, степень искажения первоначальной публикации и др.).

Новая методика позволяет выявить ряд характеристик и механизмов распространения информации и может быть применена к легко вычленяемым с момента своего зарождения "*кометам*" в медиапространстве, "траекторию" которых можно отследить благодаря современной высокоточной "*оптике*" — компьютерным базам данных и поисковым системам в киберпространстве (Яндекс, Интегрум и др.).

Основные выводы проведенного анализа можно свести к выявлению трех главных проблем.

1. *Проблема правдивости и объективности.* Анализ показывает, что аутентичность и достоверность информации, в которых в идеале проявляются принципы правдивости и объективности, подчинены иным критериям — сенсационности и соответствию бытующим в массовом сознании мифам и стереотипам о различных религиях.

Например, в одном из изученных казусов даже после появления в российских СМИ аутентичной и достоверной информации о том, что Ватикан не объявлял ни о каких "семи новых смертных грехах", в течение нескольких дней тема развивалась в первоначальном русле по принципу "снежного кома", "подогревая" аудиторию и фактически дезинформируя ее.

2. *Проблема проверки информации.* Журналисты некритично относятся к религиозным сообщениям из-за рубежа и не склонны проверять их профессиональную доброкачественность. В упомянутом выше случае достаточно было обратиться к первоисточнику — газете "L'Osservatore Romano", чтобы понять суть дела, но ни в одном из случаев это сделано не было. Казус обнажает одну из главных профессиональных проблем современной журналистики — нежелание обращаться к первоисточнику и проверять информацию в разных местах.

3. *Проблема подбора экспертов.* Анализ публикаций о "семи новых смертных грехах" показал, что в качестве экспертов о сути происходящего СМИ привлекают людей, которые на самом деле не являются компетентными, однако их мнение преподносится аудитории как мнение людей сведущих.

Из более 123 публикаций по теме только в 3 случаях экспертами выступали католические священники и еще в 5 случаях — священники Русской православной церкви. В остальных материалах

приводились мнения неких “центров общественных экспертиз”, “служб стратегического планирования”, либо журналисты вообще не обращались за комментариями.

* * *

Приведенные выше примеры дисфункций журналистики в освещении религиозной жизни объясняют еще один мотив для религиозных организаций, чтобы пытаться активно участвовать в регулировании журналистской деятельности, стремясь создать Общественный совет по нравственности на ТВ или иные формы морального контроля. Мотив этот заключается в том, чтобы предотвратить дальнейшее искажение своего образа.

Однако одно лишь желание скорректировать свое отражение, исправить “имидж” социального института, на наш взгляд, не может быть при взаимодействии со СМИ главной целью для религиозных этосов, поскольку их основная задача связана с формированием устойчивой системы определяющих поведение нравственных императивов. И основные претензии у религиозных лидеров к принимающим решения субъектам журналистской деятельности накапливаются именно в этой плоскости.

Несмотря на наличие в российской общественной жизни объективных предпосылок для усиления роли религиозного фактора (рост религиозности на фоне ценностного релятивизма), ряд практических препятствий, локализованных как в самих социальных институтах (религиозных общинах и СМИ), так и в коммуникации между ними, создает существенные трудности для артикуляции религиозных этосов в публичной сфере и их влияния на журналистику.

Список литературы

Авраамов Д. Профессиональная этика журналиста. М., 2000.

Анчел Е. Этос и история. М.: Мысль, 1988.

Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004.

Гусейнов А.А. Глобальный этос как проблема // Этос глобального мира / Сост. и ред. В.И. Толстых. М.: Восточная литература РАН, 1999.

Казаков Ю.В. На пути к профессионально-правильному. Российский медиаэтос как территория поиска. М., 2001.

Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста: Учеб. пособие. М., 2006.

Муратов С.А. Нравственные принципы тележурналистики. Опыт этического кодекса. М., 1994.

Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследования по истории морали. М.: Прогресс, 1987.

Профессиональная этика журналиста. Документы и справочные материалы. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. Ю.В. Казаков. М., 2002.

Религия в информационном поле российских СМИ. М., 2002.

Религия в современной информационной политике. М., 2005.

Саморегулирование средств массовой информации. М.,2005.

Челышев В. Есть ли заповеди у второй древнейшей? // Журналист. 2000. № 6.

Khroul V. And every person shall have the right? // A. Richter (ed.) Post-Soviet perspective on censorship and freedom of media. M., 2007.

Marx W. Towards a phenomenological ethics: ethos and the life-world. State University of New York Press, 1992.

Поступила в редакцию
31.05.2010